

Дарья Драгайцева

Огонь внутри

УДК 82-312.9
ББК 84-445
Д72

Драгайцева Д.

Д72 Огонь внутри / Дарья Драгайцева. – М.: Литнет, 2026. – 318 с.

ISBN 978-5-521-99170-9

Драконы совсем недавно открылись миру и стали доверять людям. Я знала о них и восхищалась, но никогда не видела вживую. До тех пор, пока один из них не оказался на поляне, где мы с сестрами гуляли, и не унес меня далеко за пределы родной страны.

Глядя на огромного дракона, я не могла представить его в облике человека. Он рычит, плюется огнем и никого ко мне не подпускает. Охраняет, точно величайшую драгоценность, но обращаться в человека не собирается.

Меня убеждают, что я – истинная пара этого ящера. Разве можно поверить в такую глупость?

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-99170-9

© Литнет, 2026

© Драгайцева Д., 2026

Глава 1

Ранняя весна в Каринтии радовала своей теплотой. Солнце светило ярко и ослепительно, с бесцеремонным весельем вырываясь своими лучами в каждое окно, в каждую щелочку. Белоснежный покров быстро таял, и буквально за несколько недель окончательно пропал, освободив сырую землю из-под плена. Правда, еще некоторое время лужи и грязь мешали нормальному передвижению, и ни одного сухого местечка нельзя было найти ни в центре города, ни за его пределами. Еще неделька под бодрым весенним солнцем, и эта пора тоже пройдет.

Еще со времен своей работы служанкой я ненавидела это время. И сейчас старалась как можно меньше доставлять неудобств уже своим горничным: единственная из всей семьи снимала обувь прямо у порога и на цыпочках бежала в свою комнату, придерживая грязный подол платья. Сестры хихикали и косились на меня, но это ничуть не злило: они не понимали, как тяжело приходится служанкам, потому что я в свое время оградила их от такой участи. Хотя бы у них было счастливое детство.

Сегодня я вновь повторила этот ритуал. Проскочила мимо гостиной, в которой сидел отец. Он читал газету – новомодную тенденцию среди аристократов. На столешнице стояла фарфоровая чашка с дымящимся кофе.

После десяти лет жизни простым горожанином отец легко вернулся к своим аристократическим привычкам. Сестры тоже легко влились в этот мир и следовали традициям леди: просыпаться после полудня, по утрам есть круассаны и душить себя корсетами. И лишь я так и не смогла стать настоящей аристократкой, хотя после возвращения титула и возвращения в родное королевство прошло несколько лет.

– Доброе утро, Агата, – проговорил отец, опуская газету и с улыбкой посмотрел на меня.

Я замерла и удивленно вскинула брови.

– Как ты догадался, что это я?

Горничная подошла ко мне и, поклонившись, взяла из моих рук грязные ботинки. Я благодарно улыбнулась ей. К моему вниманию все служащие привыкли не сразу, то полюбили меня за то, что я не просто с уважением к ним относилась, но и видела в них людей.

– Глир, попроси принести мне чай с ромашкой, пожалуйста.

– Конечно, миледи.

От дурной привычки называть меня миледи отучить не удалось, и я смирилась. Но все равно чувствовала себя неуютно.

Когда я поцеловала отца в щеку и присела рядом, он наконец ответил на мой вопрос:

– Очень легко догадаться, какая из дочерей гуляла в восемь утра. Улыбка моя стала шире.

– В это время открывается моя любимая пекарня, – сообщила я и положила на стол свернутый ароматно пахнущий пакетик. – В обед вкус у них уже не тот.

Отец покачал головой и аккуратно сложил газету.

– Ты ведь могла послать лакея в пекарню, – с легким укором произнес он.

Я с теплотой посмотрела на него. Лицо начинало покрываться сеткой морщин в уголках глаз и губ, стала четче видна носогубная складка, однако отец все равно для своего возраста выглядел очень молодо и привлекательно. По этой причине и из-за недавнего повышения взрослые дамы на балах смотрели на него заинтересованно и часто осаждали наш особняк. Ему бы жениться, но отец предпочитал оставаться верным погибшей жене.

– Да, но тогда я бы не встретилась с пекарем, – насмешливо проговорила я. – Этот милый старик всегда рассыпается в комплиментах и угощает меня бесплатной булочкой с корицей.

Конечно, всего лишь отговорки, и мы оба это знали. Мне не хотелось утруждать лакея, и сейчас бы я сама сходила за чаем, если бы отца не было рядом.

– Герцог Аддерли прислал приглашение на завтрашний бал, – бесстрастно произнес отец, сделав неторопливый глоток чая. Он специально не смотрел на меня, так как знал, что я приму это за намек. – Мы все приглашены, даже близняшки.

– Отлично, – с воодушевлением кивнула я. – Вы идите, а я останусь дома.

Служанка принесла чашку чая и, поставив её передо мной, ушла. Мы остались наедине.

– Мы оба знаем, кого именно из ВIANоров ждет герцог Аддерли, – вздохнул отец.

В голосе его послышались недовольные нотки. Такой тон говорил о том, что у отца кончалось терпение – значит, придется ехать на этот бал.

– Агата... – Отец посмотрел прямо на меня и подался вперед. – Я просто беспокоюсь за тебя. Ты многое сделала для нашей семьи. Пошла работать служанкой в замок вампиров, несмотря на опасность, чтобы помочь мне прокормить остальных дочерей. Это моя вина и моя ошибка. Теперь же... ты заслужила свое счастье. Любимого мужа, крепких и здоровых детей. Все то же, что и у Софи.

– Пап, не надо... – вздохнула я, кусая губу. Софи младше меня на несколько лет, но давно вышла замуж и родила сына, о чем отец не переставал напоминать мне. Сестре я не завидовала, но постоянные напоминания об отсутствии мужа изрядно надоели.

Отец, пропустив мои слова мимо ушей, продолжал:

– Аддерли хороший мужчина. Да, он вдов, но его жена умерла уже давно, и он по-настоящему заинтересован в тебе.

Да я все это знаю! Герцог действительно замечательный мужчина: добрый, начитанный, интеллигентный, что уж говорить о симпатичной внешности. Он часто приходил к нам на чай и постоянно попадался на глаза на светских вечерах, якобы случайно. Он был интересным собеседником, но не более. Сердце оставалось глухо, а выходить замуж без любви я не хотела.

– На прошлой неделе на балу у Этоммов Аддерли намекнул мне... Агата, думаю, завтра он сделает тебе предложение.

Свежая вкуснейшая булочка с вишней в тот же миг показалась безвкусной, а горечь от ромашки усилилась.

Отец положил свою ладонь поверх моей руки и сердечно проговорил:

– Малышка, просто дай ему шанс.

Он действительно за нас переживал, и мне не хотелось расстраивать его. Поэтому, шумно вздохнув, я кивнула:

– Хорошо, папочка. Завтра я пойду вместе с вами к Аддерли.

Радостная улыбка стала мне наградой. Ну вот, ничего сложного – я всего лишь пообещала побывать на балу. Найду себе какое-нибудь укромное местечко и почитаю книгу, пока не придет пора уезжать. Если повезет, Аддерли не попадется мне на глаза. Или все-таки не решится просить моей руки, если боги милостивы.

В холле послышался грохот и шум, как будто со второго этажа спускалась целая рота. Показалось даже, что ваза со свежими розами в центре стола задрожала.

– Папа! – послышался немного визгливый голос Черити.

Две хрупкие фигурки самых младших сестер-близняшек – Эйприл и Карлы. Взметнулись четыре (по две на каждую сестричку) длинные черные косы. Близняшки с хохотом оббежали стол, сделав его преградой на пути разъяренной Черити.

– Папа! – вновь крикнула она, на этот раз ближе. Еще несколько секунд, и Черити показалась на пороге столовой. Спешно запахнутый халат поверх шелковой сорочки, домашние тапочки, взъерошенные медно-красные волосы – все говорила о том, что её разбудили против её воли. Увидев близняшек, Черити гневно прищурилась и выдохнула: – Вы! Вы маленькие кобры!

– Черити! – упрекнул отец, но губы его подрагивали.

Под взглядом отца Черити не стушеввалась, но немного успокоилась и уже без горячей ярости возмутилась:

– Отец, знаешь, что они сделали?..

Она метнулась влево, желая догнать близняшек, но они уже оказались по ту сторону стола, почти за спиной отца.

– Что случилось? – с любопытством спросила я.

Черити перевела на меня взгляд, как будто сейчас заметив мое присутствие, и заявила:

– Эти бестии подбросили мне в постель мышь! Живую мышь!

– Это не мы! – хором сказали Эйприл и Карла.

– Да неужели? – фыркнула Черити и снова кинулась за девочками. – Кто кроме вас может такое проверить, а? Еще скажите Агата.

– Дорогие мои... – мягко начал отец, но его никто не услышал.

– Только вы, бессовестные мерзавки, могли подкинуть мне живую мышь! – Черити вновь перешла на визг.

Карла хихикнула и поинтересовалась:

– А ты бы хотела мертвую?

Миловидное личико Черити исказилось от гнева. Она открыла рот, намереваясь сказать еще одну гадость в сторону близняшек. Я видела, что брови отца сошлись на переносице – он начинал злиться. Чтобы предотвратить ссору, пришлось самой перебить отца:

– Черити! Тебе уже двадцать, ты завидная невеста, а ведешь себя хуже ребенка! А вы, Карла, Эйприл... – Я перевела на них суровый взгляд. – Уберите мышь из комнаты Черити, иначе не пойдете сегодня с нами на пикник.

Эйприл недовольно надула губы, а Карла закатила глаза, но обе они поспешно ретировались из столовой. Сегодня мы собирались прогуляться до одного чудесного озера неподалеку и устроить пикник. Близняшки любили такие прогулки, так что послушались меня сейчас беспрекословно.

Черити немного успокоилась и, поцеловав папу в щеку, присела напротив меня.

– Принесите мне завтрак! – велела она подросшей служанке, даже не взглянув на неё. Черити скривила губы: – Ненавижу просыпаться в такую рань!

Мы с папой весело переглянулись, но оставили без комментариев её слова.

– Хочешь? – миролюбиво предложила я, пододвинув ей свежий сочень с творогом.

Глаза Черити голодно заблестели. Она с трудом сглотнула, но отодвинула сочень обратно.

– Через неделю королевская семья дает бал, я обязана быть там в своем новом изумрудном платье, а для этого нужно убрать с талии пару сантиметров, – пояснила она.

Отец недоуменно вскинул брови:

– Его ведь сшили для тебя на заказ, почему же оно мало?

Черити посмотрела на отца снисходительно и соизволила пояснить:

– Так и было запланировано.

Я прикусила губу, сдерживая улыбку. По лицу отца было видно, что он ничего не понял, но продолжать не стал.

Служанка принесла завтрак Черити – пресную кашу и апельсиновый сок. Какое-то время завтракали молча, но очень скоро тишину прервал стук. Широкая арка позволила увидеть, как по коридору в сторону входных дверей прошел молодой лакей. Через полминуты он вошел в столовую и объявил:

– Князь Вилмар, вам послание из королевского дворца, – сообщил он и протянул отцу запечатанное письмо.

Темно-красная печать, ловко взломанная отцом, контрастировала с белой бумагой. Тихий шелест вызывал дурные предчувствия – или это задумчивое выражение лица.

– Королева перенесла собрание на сегодняшний вечер, – вздохнул он.

– Получается, сегодня мы не пойдем на пикник? – разочарованно протянула Черити. Я тоже расстроилась, но кукситься не стала.

Отец с сожалением вздохнул, но тут же предложил:

– Вы можете поехать без меня. А на следующей неделе повторим пикник вместе, обещаю.

К обеду погода улучшилась. Солнце припекло, подсушило грязь, и дороги стали вполне сносными. Конюхи подготовили лошадей, и мы вчетвером – я, Черити и близняшки – неторопливо отправились из поместья по дороге, ведущей мимо полей в сосновую чащу, к озеру. Карла и Эйприл рысью скакали впереди, впрочем, далеко не уезжая. Так мы могли наблюдать за ними без страха потерять или упустить какие-то их пакости. Длинные, до пояса, черные ко-сички весело болтались из стороны в сторону.

– Такое ощущение, что наши сестры так и остались пятилетними детьми, – пожаловалась Черити, кокетливо поправляя синюю шляпку. – Иные в пятнадцать лет уже замуж выходят, а они проказничают и портят мне нервы.

– Да ладно, сестричка, – мирно возразила я, – вспомни себя в их возрасте.

Черити высокомерно хмыкнула, но промолчала. Когда наша семья переехала четыре года назад в Каринтию, Черити было шестнадцать. Незадолго до переезда хорошо попортила отцу нервишки, заявив, что выходит замуж за сорокалетнего мужчину, который уже четыре раза овдовел. Якобы у них случилась настоящая любовь. К счастью, легкомысленная Черити вовремя заскучала и влюбилась в юного гвардейца, забыв про вдовца. Сколько раз за это бурное время отец запирали её в комнате, не пересчитать.

– Посмотрела бы я на тебя, если бы ты проснулась с живой мышью на груди, – завредила Черити.

Я насмешливо покосилась на неё. Даже верхом на лошади сестра выглядела великолепно: темно-синяя амазонка выгодно оттеняла её бледную кожу без единой веснушки и голубые широко распахнутые глаза, чувственные губки были сложены бантиком, тщательно завитые волосы алели из-под небольшой шляпки. Черити единственная из нас, кто выбрал дамское седло – и держалась она в нем с истинно королевским изяществом. Она лучше всех сестер влилась в светскую жизнь, и с первых своих выходов в свет блистала на высшем обществе.

Жаль только, что дома она вела себя подчас не как леди, а как хабалистая торговка с рынка. Хороший сюрприз будущему мужу.

– Ты уже придумала, что будешь дарить на день рождения Софи? – спросила Черити.

Единственная из пяти сестер, кто вышел замуж – Софи. Вторая по старшинству, она практически сразу после возвращения в Каринтию нашла выгодную партию и успешно вышла замуж, чего отец желал и мне.

– Я нашла чудесного художника, – продолжала Черити, не дожидаясь ответа. – Истинный мастер своего дела, способен написать портрет не с человека, а с другого его портрета, причем еще более похожий, чем оригинал!

– Хочешь подарить Софи её портрет? – усмехнулась я. Подарок вполне в духе Черити.

Она посмотрела на меня с прищуром и негромко сказала:

– На чердаке я нашла старый портрет мамы. Я хотела добавить её в новую картину, где были бы изображены мы все.

Мама умерла при родах близняшек. Черити тогда было всего пять, она почти не помнила её, тогда как у нас с Софи сохранились фрагментарные воспоминания. Но иногда мне казалось, что именно Черити больше всего скучает по маме.

Именно за такие редкие моменты, когда Черити неожиданно раскрывала свою душу, я и прощала ей показное высокомерие и надменность.

– Это великолепный подарок, – согласилась я, едва заметно улыбаясь. – Уверена, Софи понравится.

Черити осторожно улыбнулась и перевела взгляд на приближающиеся сосны.

– Сегодня особый день, – выдала вдруг она.

– Почему? – искренне удивилась я.

Вместо ответа Черити прикрыла глаза и глубоко вдохнула свежий воздух. Ветер оставался слегка прохладным, но солнце не скупилось на тепло.